

opera-in-italia-la-ong-francese-cattolica-di-destra-che-appoggia-il-regime-di-assad-1.353671/ (accessed: 03.04.2022).

8. Syrie: enquête sur ces Français qui fréquentent le régime de Bachar al-Assad. 19 Jun 2019. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-syrie-de-curieux-pelerins-francais_2080862.html/ (accessed: 08.04.2022).

9. New Evidence Links a Far-Right French NGO to War Crimes in Syria. 10 Jun 2021. URL: <https://newlinesmag.com/reportage/new-evidence-links-a-far-right-frenchngo-to-war-crimes-in-syria/> (accessed: 05.04.2022).

10. SOS Chrétiens d'Orient dans le collimateur de l'Eglise. 12 Dec 2017. URL: https://www.liberation.fr/france/2017/12/12/sos-chretiens-d-orient-dans-le-collimateur-de-l-eglise_1616193/ (accessed: 11.04.2022).

11. Les chrétiens d'Orient, un enjeu politique français. 7 May 2015. URL: https://orientxxi.info/magazine/les-chretiens-d-orient-un-enjeu-politicienfrancais,0897?no_js=oui (accessed: 04.04.2022).

12. Bibliothèques d'Orient, la sauvegarde numérique d'un patrimoine menacé. 13 Sep 2017. URL: <https://www.la-croix.com/Culture/Bibliotheques-dOrient-sauvegarde-numerique-dun-patrimoine-menace-2017-09-13-1200876543> (accessed: 03.04.2022).

13. Renforcer l'action de la France dans la protection du patrimoine du Moyen-Orient et le soutien au réseau éducatif des communautés chrétiennes de la région». URL: <https://oeuvre-orient.fr/actualites/un-rapport-pour-soutenir-le-pluralisme-culturel-et-religieux-au-moyen-orient> (accessed: 09.04.2022).

14. Bishop of Truro's independent review for the Foreign Secretary of FCO support for persecuted Christians. URL: <https://christianpersecutionreview.org.uk/interim-report> (accessed: 09.04.2022).

15. Emmanuel Macron lance un fonds pour les écoles des chrétiens d'Orient. 22 Jun 2020. URL: <https://www.la-croix.com/Religion/Catholicisme/Monde/Emmanuel-Macron-lance-fonds-ecoles-chretiens-dOrient-2020-01-22-1201073463> (accessed: 04.04.2022).

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

В. В. Одериха

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, oderiha@mail.ru*

Китайская Народная Республика крайне заинтересована в поставках энергоресурсов. Исламская Республика Иран является важным поставщиком нефти в Китай. В будущем Иран может стать важным транспортным хабом в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Между тем, администрация США рассматривает ИРИ как «государство-изгой» и руководству Китая приходится это учитывать.

Ключевые слова: Ближневосточная политика Китая; Ирано-китайские отношения; энергоресурсы; государства-изгои; инициатива «Один пояс – Один

путь»; транспортные коридоры; Совместный всеобъемлющий план действий; Ирано-Китайский договор о всестороннем сотрудничестве.

THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN THE PRC FOREIGN POLICY

V. V. Oderiha

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, oderiha@mail.ru*

The People's Republic of China is extremely interested in supplies of energy resources. The Islamic Republic of Iran is an important supplier of oil to China. In the future Iran may be transport hub as a part of The Belt and Road Initiative. In the meantime, great problem is the U. S. administration treats IRI as a rogue state and the China's leadership have to take into consideration that.

Keywords: China's Middle East Policy; Iran–China relations; Energy resources; Rogue states; The Belt and Road Initiative; transport corridors; Joint Comprehensive Plan of Action; The Iran–China 25-year Cooperation Program.

С превращением КНР в экономическую и политическую сверхдержаву, развиваются механизмы двух – и многостороннего сотрудничества со странами регионов не только непосредственно с ней граничащих, но и расширение китайского присутствия в гораздо более отдаленных географически регионах, таких как Западная Европа, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка. Из них особое место занимает Ближний Восток.

Прежде всего, это связано с потребностями китайской экономики. Быстрый экономический рост, превращение Китая в мировую фабрику, требует все большего импорта сырьевых ресурсов, особенно энергетических. Если в 1980-х гг. КНР была крупнейшим экспортером нефти в Восточной Азии, то уже в 1993 г. стала её нетто-импортером, несмотря на увеличение нефтедобычи внутри страны. В 2003 г. страна вышла на второе место в мире (после США) по потреблению нефти и нефтепродуктов [2, с. 31].

И хотя Китай закупает энергоресурсы по всему миру, даже в Венесуэле, Ближний восток, в силу своей географической близости, имеет важное преимущество перед другими источниками. Кроме того, здесь сосредоточено 65% мировых запасов нефти и 30% природного газа [5, с. 152], добыча и транспортировка которых гораздо дешевле чем в других регионах. А Иран – второй после Саудовской Аравии производитель нефти, на него приходится 9% мировых запасов нефти и 16 % природного газа [7, с. 57].

Кроме поставок энергоресурсов, Иран, в силу своего географического положения, может играть важную роль в продвижении КНР амбициозной программы по созданию в Азии сухопутных и морских транспортных коридоров. В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, в ходе своего турне по странам Центральной Азии презентовал проект «Экономического пояса шелкового пути», а спустя месяц, будучи в Индонезии – идею «Морского шелкового пути XXI столетия». Оба этих проекта имеют непосредственное отношение к Ирану, который, в перспективе, может стать важным транспортным хабом как на морском пути из Персидского залива, так и конечным пунктом на пути из Китая через Центральную Азию, в частности железных дорог – в иранских портах Ормузского пролива [2, с. 33]. Вот почему Китай крайне заинтересован в вовлечении Ирана в оба проекта.

И вот здесь перед руководством Ирана возникают серьёзные проблемы. Вот уже много лет Исламская Республика Иран (ИРИ) находится под международными санкциями, которые то ужесточаются, то ослабляются, никогда не были полностью сняты. Это обвинения со стороны администрации США и их союзников в спонсировании международного терроризма, а в последние двадцать лет – в попытках создать собственное ядерное оружие. В этих условиях, руководство КНР вынуждено действовать максимально осторожно, чтобы не испортить отношения с США и странами Запада – своих главных внешнеэкономических партнерах. Поэтому политика КНР на иранском направлении является классическим примером её дипломатии в отношении т. н. «стран-изгоев».

«Страны-изгой» (“Rogue states”) – политическое клише в последние два десятилетия широко распространившееся в неофициальном лексиконе руководства США и их союзников, а также западных СМИ, по отношению к государствам, которые, по их мнению, угрожают миру. На официальном уровне американская администрация использует термин «государства спонсоры терроризма». Сотрудничество с этими странами сопряжено с серьёзным риском ухудшения отношений с США, что прекрасно понимают китайские руководители.

До начала 1990-х гг. Китай занимал сравнительно небольшое место во внешней торговле Ирана, большая часть приходилась на поставки китайского оружия, причем в относительно небольших объёмах. Также Китай принял определенное участие в иранской ракетной программе [3, с. 247].

Ситуация резко изменилась с ростом потребности КНР в нефти. Со временем она заняла место основного покупателя иранской нефти и главного инвестора в самые различные инфраструктурные проекты. В

2006 г. Иран, опередив Саудовскую Аравию, стал крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай [4, с. 103]. В 2005–2013 гг. Китай инвестировал в Иран 16,8 млрд. долл. США [1, с. 96]. Но если мы посмотрим на динамику китайско-иранской торговли, мы увидим её значительные колебания.

В период с 2005 по 2013 гг. объем ирано-китайской торговли вырос с 10 до 39 млрд. долл. США [1, с. 96]. Казалось бы, отличный рост. Но в 2009 и 2012 гг. имели место значительные падения объёмов, вызванные теми или иными санкциями США и Западной Европы. В 2014 г. объём торговли между двумя странами вырос до 51 млрд. долл. – рост на 12 млрд. всего за год [7, с. 57]. Но уже в следующем, 2015 г., после введения против Ирана жестких санкций ООН, произошел резкий обвал, рост начался в 2017 г., после приостановки в 2016 г. международных санкций.

Что характерно, Китай после введения санкций ООН не свернул полностью закупки иранской нефти. Добившись значительной скидки, он продолжал импортировать некоторый её минимальный объем, что позволило Ирану кое-как держаться на плаву. Китай не пытался воспользоваться ситуацией, скупая подешевевшую иранскую нефть, а предпочел максимально диверсифицировать поставки, в том числе и из главного соперника Ирана в регионе – Саудовской Аравии. В данном случае проявился китайский прагматизм: сиюминутной выгоде руководство КНР предпочло не портить отношения с США. С другой стороны – это особенность китайского менталитета в том, что касается экономических взаимоотношений: нельзя попадать в полную зависимость от одного экономического партнера.

В 2016 г. во время визита Си Цзиньпина в Иран, было заключено 17 двусторонних соглашений, в том числе о строительстве атомных электростанций и поставках в Китай иранской нефти. Тогда же активизировались усилия по реализации проектов в рамках «нового шелкового пути». Так в 2016 г. был введен в эксплуатацию один из отрезков проекта «Один пояс – один путь» – железнодорожный грузовой маршрут, связавший Китай с Ираном через Казахстан и Туркменистан. Связующим звеном маршрута стала линия Горган – Инче-Бурун – Этрек – Берекет, в результате чего вертикальные маршруты международных транспортных коридоров «Север–Юг» оказались связаны с горизонтальными маршрутами «Один пояс – один путь», проходящими через Центральную Азию. Чтобы обеспечить максимальное участие Ирана в проекте, КНР выделила беспроцентные кредиты на улучшение инфраструктуры [1, с. 97].

Но, что показательно, руководство КНР показательно дистанцировалось в вопросе крайне сложных ирано-саудовских взаимоотношений, в равной степени развивая экономическое сотрудничество с обеими странами. Замминистра иностранных дел Китая Чжан Мин, посетивший в 2016 г. столицы обеих государств в рамках подготовки выше упомянутого визита Си Цзиньпина, призвал обе страны «проявлять сдержанность и спокойствие», а тексты его речей в обеих столицах были практически идентичны, что свидетельствовало о том, что Пекин не выделяет Тегеран как «особого» партнера [1, с. 98].

Вместо этого руководство КНР предложило странам региона формулу «1+2+3», первым пунктом которой идет сотрудничество в области энергетики, вторым – достижение новых договоренностей в областях инфраструктуры и торговли, третьим – обеспечение прорыва в энергетике аэрокосмической сфере [1, с. 99]. Как видно из данных фактов Китай всячески стремится уйти от каких-либо однозначных оценок событий, происходящих в регионе. Так, он всячески избегал четкой позиции в ряде конфликтов на Ближнем Востоке, в которые непосредственно вовлечена ИРИ: войны в Сирии, конфликта в Йемене, борьбы против Исламского государства в Ираке. До недавнего времени весьма сдержанно китайское руководство относилось к полноправному членству Ирана в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

При этом свою позицию по определенным вопросам Китайская сторона может выражать косвенным образом. Так, что любое судно, входя в Персидский залив, должно пройти через иранские территориальные воды. Соответствующая международная конвенция требует в подобном случае беспрепятственно пропускать эти суда, и Иран, который не подписал конвенцию (кстати, как и США), этой конвенции, тем не менее, подчинялся. В июле 2012 г. Иранский парламент (меджлис), в ответ на новые санкции Запада, проголосовал за закрытие Ормузского пролива. Страны ЕС, Республика Корея и Япония выразили протест – и этим дело ограничилось. А вот власти КНР, с одной стороны промолчали, с другой – вдвое сократили закупки иранской нефти и, соответственно, увеличили поставки из Саудовской Аравии. Руководство ИРИ поняло намек и больше тему запрета не поднимало [5, с. 154].

Гораздо более четко осторожность китайских руководителей проявилась в международном конфликте вокруг иранской ядерной программе. В 1990 г. было заключено соглашение между КНР и ИРИ о сотрудничестве в ядерной области: Китайская сторона обязалась поставить 1,8 т продуктов распада урана, передать реактор и завод по производству тяжелой воды. Однако в 1997 г., в ходе визита в США, председатель КНР Цзян Цзэминь согласился свернуть план строительства

в Иране завода по производству гексафторида урана и все прочие виды сотрудничества в ядерной сфере. Это вызвало в Иране возмущение, ибо аналогичный проект в Пакистане Китай отказался отменить, несмотря на все давление американской администрации [4, с. 107].

Впрочем, это возмущение было весьма осторожным. Так, когда Китай голосовал за резолюции Совета Безопасности ООН № 1737 (запрет поставок в Иран ядерных технологий и материалов) и № 1747 (ужесточение санкций и введение новых) руководство ИРИ воздержалось от критики КНР, ибо понимало, что в условиях международной изоляции не может предъявлять какие-либо претензии стране – главному покупателю иранской нефти.

В июле 2015 г. КНР стала одним из 6 участников (группа 5+1) международного соглашения с ИРИ относительно ядерной программы Ирана – Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Однако в 2018 г. американский президент Д.Трамп объявил об одностороннем выходе США из СВПД. В этих условиях, сотрудничество с КНР приобрело для Ирана особенное значение.

Возобновление американских санкций побудило руководство ИРИ на заключение с КНР договора о всестороннем сотрудничестве. Первые сообщения о готовящемся соглашении просочились в иранские СМИ еще в июле 2020 г. и вызвали неоднозначную реакцию иранской общественности, возмущенной секретностью многих его статей. Так, по некоторым сведениям, соглашение предусматривает китайские инвестиции в нефтяную, газовую и нефтехимическую отрасли Ирана в размере 280 млрд. долл. В течении ближайших 25 лет. Одновременно китайская сторона обязуется вложить 120 млрд. долл. в транспортную и промышленную инфраструктуру ИРИ. Взамен Китай получает право покупать иранскую нефть, газ и нефтепродукты с 12% дисконтом от мировых цен, а китайские компании имеют право на дисконт ещё в 6–8% в случае рискованных сделок [6]. Несмотря на критику внутри Ирана, договор был официально подписан в марте 2021 г.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Главный интерес Китая в области международного сотрудничества полностью лежит в области обеспечения его экономических потребностей, в случае с Ираном – вопроса энергоресурсов и создания и обеспечения транспортных коридоров в рамках программы «Один пояс – один путь».

В этом плане КНР готова сотрудничать с достаточно «проблемными», т.н. «государствами-изгоями», но не в ущерб отношениям с США и их западными союзниками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абдулгазиев И. И., Васнецова Е.С. Отношения Китая и Ирана в условиях меняющегося миропорядка // Век глобализации. 2020. № 1. С.93–101.
2. Арсентьева И.И. Ближневосточный вектор внешней политики КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015, № 6.
3. Задонский С.М. Современное состояние ирано-китайских отношений // Ближний Восток и современность. Вып. 17. Москва: ИИИиИВ, 2003.
4. Зиммерман Д. Иран – Китай: прочные отношения? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2009, № 4.
5. Ильминская М.Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015, № 1
6. Кузнецов А.А. Иранские эксперты о проекте 25-летнего соглашения между ИРИ и КНР. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72067> (дата обращения: 25.09.2022).
7. Лексина Е.А. Ирано-китайские отношения в геополитическом треугольнике США – Иран – КНР: противоречия и перспективы // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015, № 5.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР

Л. В. Пироженко

*Центр Мультидисциплинарных исследований Университета Хучжоу,
759, Вторая кольцевая восточная улица, 313000, г. Хучжоу, провинция Чжэцзян,
КНР, lidiiar@ukr.net*

В статье проанализировано современное состояние и основные стратегии развития китайских университетов до 2035 г. Согласно стратегии интенсивного развития высшего образования Китай к 2035 г. планирует сформировать разветвленную систему высококачественного доступного высшего образования, достичь совокупной мощи и влияния китайского образования на международной арене, повысить конкурентоспособность высшего образования в контексте превращения страны в мировую образовательную державу.

Ключевые слова: система образования КНР; модернизация высшего образования КНР; университеты КНР; доступность образования; элитные университеты.